

Сегодня руководители, включая глав государств, и ученые всего мира «ломают головы» над повышением темпов ВВП. Но рост ВВП ведет к краху цивилизации. Фальшивый экономический рост надо прекратить.

Д.В. ВАЛОВОЙ

~~ДЕ~~ВЯЛОВАЯ ИСТОРИЯ

Дмитрий Валовой

Деловая история

«Алисторус»

2015

Валовой Д. В.

Деловая история / Д. В. Валовой — «Алисторус», 2015

Сегодня руководители, включая глав государств, и ученые всего мира стремятся повышать темпы роста ВВП. Но автор утверждает, что погоня за ростом ВВП ведет к краху нашей цивилизации и предлагает отказаться от экономического роста. «Деловая история» является альтернативой так называемой общепринятой истории по наиболее актуальным проблемам мироустройства, извращенность которых по невежеству или в корыстных целях внедряется в общественное сознание; в ней подробно раскрывается механизм использования риторики о рынке, демократии, свободе слова и т. п. для маскировки агрессивной деятельности США. В обобщенном виде в работе представлены современные гипотезы возникновения человечества, включая инопланетную. «Деловая история» написана простым и доходчивым языком. В ней много ярких образных примеров и сравнений. Она рассчитана на широкий круг читателей. Но поскольку в ней разоблачаются узаконенные в хозяйственной жизни спекуляции и мошенничество, и предлагаются пути их ликвидации, для политиков и бизнес – руководителей она представляет большой практический интерес, а для студентов рекомендуется в качестве популярного учебного пособия.

© Валовой Д. В., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

От автора	6
Смертельную «рану» СССР нанесли ЦК КПСС и советское правительство	7
«Сталин отменил смертную казнь, а Валовой применил...»	8
Молотов: «Мне сказали, что Дзержинский лезет не в свои сани»	16
Почему Хрущев возненавидел Сталина, но полюбил Солженицына?	20
Антонов: «Планирование вверх ногами!»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Дмитрий Васильевич Валовой

Деловая история

Отзывы и пожелания направлять по адресу:

119454, Москва, ул. Лобачевского, 90,

Академия труда и социальных

отношений, кафедра экономической теории, Валовому Д.В.

e-mail: dvalovoi@mail.ru

<http://valovoi.livejournal.com>

www.valovoi.ru

От автора

Более семидесяти лет длится моя трудовая деятельность. В старину пожилые люди гордились если пережили двух или трех царей. На моем веку сменилось десять «царей» – Сталин, Маленков, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев, Ельцин, Путин, Медведев, Путин. Мне довелось быть участником многих исторических событий века минувшего. О них я написал сотни статей и десятки книг. Многие из них написаны по горячим следам событий, которые теперь извращаются, а порой ставятся «с ног на голову». Историю иногда называют «перевернутой политикой». Но такого перевертывания истории, которое ныне творится с целью дискредитации России, мировая практика еще не знала. Делается это по Свифту: «черное выдается за белое, а белое за черное, в соответствии с деньгами, которые за это платят».

В «Деловой истории» я использую ряд своих прежних книг и публикаций в периодической печати. Ради сохранения стержня периодических материалов я вынужден сохранить повтор ряда принципиальных положений. Книга «Кремлевский тупик и Назарбаев» была написана по горячим следам развала СССР и создания СНГ. Почему я Назарбаева противопоставил Ельцину, олицетворявшему тогда Кремль? Потому что даже после «взрыва» Гайдаром экономического пространства Назарбаев активно и последовательно предлагал интеграцию на постсоветском пространстве. Более двадцати лет он пробивал эту идею. С января 2015 года начал действовать Евразийский экономический союз. Это достойный подарок Нурсултану Абишевичу к его 75-летию в этом году.

Что же касается ельцинского тупика, то В.В. Путин вывел из него внешнюю политику и достойно проводит ее в интересах России. Но внутренняя политика, основой основ которой является экономика, ждет своего «мюнхенского разворота». В работе на конкретном материале показано, что тупик в экономике углубляется и обостряется и пока там бал правят мауисты-неолибералы о выходе из него не может быть и речи. Экс-замминистра финансов США Робертс советует: «Если Россия хочет выжить, Путин обязан защитить Россию от западных экономических институтов и обученных на Западе неолибералов».

Чтобы ярче раскрыть гремучую смесь невежества с эгоизмом и корыстью неолибералов и абсурдную сущность либерализма я включил в новую работу ряд научно-популярных статей, недавно опубликованных в периодической печати по сказочным сюжетам Свифта, Андерсена и Оруэлла.

Почему рушится нынешний миропорядок и каким должен быть новый? На эту тему в «Деловой истории» представлены различные взгляды известных ученых и практиков, использующих наработки ученых разных эпох и направлений – от Аристотеля, Монкретьена, Смита и Маркса до Ленина, Бердяева, Кейнса, Леонтьева, Гэлбрейта и Стиглица.

«Деловая история» представляет собой альтернативу так называемой общепринятой истории по наиболее актуальным проблемам мироустройства, извращенность которых по невежеству или в корыстных целях внедряется в общественное сознание. Особую опасность для человечества представляет рост ВВП в «нечеловеческом измерении». В обобщенном виде в ней представлены современные гипотезы о возникновении человечества, включая инопланетную.

Выражаю сердечную благодарность дочери Марии за большую помощь в подборке материалов, редактирование и оформление работы.

Смертельную «рану» СССР нанесли ЦК КПСС и советское правительство

Заговорщики нанесли Цезарю 23 раны, но смертельной была одна. Сегодня называют много причин развала СССР, но все они несмертельны. Чаще всего говорят, что де марксизм не выдержал конкуренции с либерализмом. Но я в «Правде» многократно писал, что «хозяйственная система социализма противоречит азам марксизма». О какой конкуренции можно говорить? Или многие развивают идею заговора. О каком заговоре можно вести речь, если вся внешнеполитическая деятельность Запада была откровенно направлена против социалистических стран, и прежде всего против СССР? Получается «секрет на весь свет». Советская сверхдержава была уже не по зубам своим недругам. Это подтвердил в речи на закрытом совещании руководителей внешнеполитических служб в июне 1984 года президент США Рейган:

«Мы собрались здесь, чтобы обсудить наиболее эффективный путь борьбы с коммунизмом. Как хорошо вы знаете, все прежние попытки ликвидировать большевистскую заразу кончились неудачей. После Октября 1917 года тоталитарный режим выстоял Гражданскую войну и гитлеровскую разруху. Даже Гитлер с его прекрасно вооруженной армией, покорившей всю Европу, обжегся на Советском Союзе. После войны, несмотря на экономическую блокаду и другие наши жесткие санкции, темпы послевоенного развития в СССР были вдвое выше, чем в Соединенных Штатах, не говоря о других капиталистических странах с развитой экономикой. Они превзошли нас по добыче нефти и газа, первыми построили атомные электростанции и ледоколы, первыми вырвались в космос. Первым человеком на Земле, ворвавшимся в космическое пространство, оказался их человек. Они догнали и перегнали нас по ряду критических военных нововведений, они установили с нами термоядерный паритет, их субмарины с ядерным оружием круглосуточно на боевом дежурстве у наших берегов. Советская империя зла, наряду с США, стала великой державой, и если мы позволим ей выполнить еще 2–3 пятилетки, то уже никакая сила не остановит их. Наоборот, речь может пойти о закате Америки и всего свободного мира.»

Как это парадоксально не звучит, но смертельную «рану» СССР нанесли ЦК КПСС и советское правительство. Я сорок лет (с 1952 до 1992 года) в меру своих сил и возможностей пытался предотвратить этот процесс. Но увы!.. Сегодня по этому же сценарию смертельную «рану» нашей цивилизации наносят... главы развитых государств.

«Сталин отменил смертную казнь, а Валовой применил...»

– Вы жили при Сталине. Расскажите вкратце о той эпохе и о себе, – попросили меня в кружке любознательных, который я вел в Академии по субботам вне расписания.

На долю моего поколения выпало немало героических и трагических событий, изменивших ход истории. Важнейшим из них, безусловно, является победа в Великой Отечественной войне, избавившая мир от фашистской чумы. Тревожную юность поколения образно выразил замечательный поэт-блокадник Ленинграда Юрий Воронов:

*«В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем выдали медали
И только в сорок пятом – паспорта».*

Первую медаль я заслужил в 1943 году на трудовом фронте, а паспорт получил восемь лет спустя, после демобилизации.

В любой эпохе есть позитивное и негативное. В одной эпохе превалирует первое, в другой – второе. Властители, желая приукрасить свои заслуги, как правило, выставляли «на свет» все худшее, что отличало время правления их предшественников, однако спустя годы история ставит все на свои места. В социальной жизни эти оценки еще больше усложняются и становятся противоречивее: то, что для одних является позитивным, другие воспринимают как отрицательное явление. Что сказать о себе?

Родился в городе Белореченске в мае 1927 года. Мой отец, Василий Петрович, в то время работал бухгалтером в железнодорожном депо, а мама, Татьяна Васильевна, была домохозяйкой. Мама – коренная кубанка – не скрывала желания вернуться на хутор. А папа был «иногородним»: в поисках лучшей доли его родители с Черниговщины перебрались на Кубань. Когда началась коллективизация, из создаваемого колхоза имени Сталина, объединившего 15 хуторов, пригласили папу бухгалтерствовать. Так мы оказались на одном из дальних хуторов Некрасов рядом с хутором Бережной, где жили родители мамы.

Кстати, о хуторах. В начале перестройки много критиковалась сама идея ликвидации неперспективных деревень – читай, хуторов. В этой проблеме много надуманного и спорного. Дело в том, что в абсолютном большинстве их ликвидировала сама жизнь и задолго до того, как стали известными имена академиков, которым приписывается «авторство». Вот представьте наш колхоз – самый большой в районе: из 15 хуторов половина имела от 30 до 50 дворов, а другая половина – от 4 до 10 дворов. Зимой и в распутицу связь малых хуторов с внешним миром прерывалась. А каких трудов стоило провести радио, электричество при такой разбросанности. Хутора, как и города, строились вдоль речек, а некоторые и от речки были удалены на 2–3 километра. У нас протекала небольшая речка Гончарка, впадавшая в реку Белую, приток Кубани. Весной она разливалась сильно, а летом пересыхала настолько, что кое-где приходилось делать заставы, чтобы можно было напоить животных. В этих хуторах были две школы: трех-, четырехклассные. Средняя школа была за шесть километров – в селе Воронцово-Дашковское. Летом и осенью мы ездили туда на велосипедах, а зимой приходилось снимать жилье на месте, неподалеку от школы. Вот так и протекала жизнь до тех пор, пока не грянула война. Известие о войне дошло до нас в тот день, когда мы, как обычно в летние каникулы, работали в колхозе. В каждой бригаде были детские ясли. Работал общеколхозный пионерский лагерь. 22 июня 1941 года мы на лошадях возили зерно от комбайнов на ток. И здесь во время разгрузки

возница, доставивший с хутора воду, рассказал, что по радио передали о начале войны. Кто не связан был с работой комбайнов, поспешили в правление колхоза разузнать все поподробнее. Вскоре отца призвали. В 1943 году ушел в армию старший брат, Алексей, а в 1944 году наступил и мой черед.

Меня, как и многих моих земляков, направили в школу снайперов Северо-Кавказского военного округа, располагавшуюся на окраине Майкопа. Школа эта имела добрые традиции: многие ее выпускники уже были Героями Советского Союза, их портреты украшали ленинские комнаты, где проводились политзанятия. Курсанты жили в бывших конюшнях, так как до войны здесь размещался кавалерийский полк. Деревянные нары в 3 этажа, матрасы и подушки, набитые соломой. Зима была холодная, а «отопление» естественное: согревались, прижимаясь друг к другу. Когда рота выстраивалась на плацу, трудно было представить, как все мы втискивались в эту небольшую казарму. Подъем затемно, в 6 часов. Физзарядка и умывались ледяной водой в реке Белой. После завтрака – на стрельбище за три километра. После обеда – чистка оружия, теоретические и политические занятия.

Поскольку перелом в войне уже наступил, мы слышали от своих наставников, что, возможно, некоторым из нас посчастливится штурмовать Берлин. Мы по-настоящему мечтали о такой возможности. Сразу по окончании школы нас перевезли на Малую землю под Новороссийском. Мы были наслышаны о героизме ее защитников. Но то, что мы там увидели, действительно, достойно высоких слов. Сюда на формирование перед отправкой на фронт прибыли выпускники многих других школ и училищ Северо-Кавказского и Закавказского военных округов. Первые весенние месяцы 1945 года были теплыми. Жили в палатках и землянках. Но однажды ночью налетел шквальный норд-ост, – такое нередко бывает в Новороссийске. И, буквально, смел с земли палатки. Многие остались вообще без обмундирования и документов, в землянках мало что уцелело. Практически формирование оказалось парализованным: требовалось время, чтобы восстановить всю документацию, доставить новое обмундирование. Временно нам вернули со складов ту самую амуницию, в которой мы ползали во время учебы. Внеплановая поставка серьезно задержалась, а когда наконец-то повторное формирование завершилось, то наши войска уже окружили Берлин, и там нам, конечно, было уже делать нечего. Такой поворот событий многих ребят очень расстроил, некоторые даже не скрывали слез.

Вскоре нас погрузили в товарняки, и состав направился совсем в другую сторону, куда, не объявили, но мы удалялись все дальше и дальше на юг. Выгрузились в Баладжарах, под Баку. Установили походные кухни, разбили лагерь и дней через десять пешим строем отправились в порт Баку – на погрузку. Уже на пароходе нам объявили, что плывем в Иран. На первый взгляд, это могло показаться странным: ведь Иран не участвовал в войне. Но дело в том, что договором 1925 года предусмотрено, что в случае угрозы со стороны южного соседа мы имели право ввести туда войска. Как известно, в 1942 году немцы попытались прорваться через Кавказ и захватить азербайджанские нефтяные промыслы, остававшиеся практически главным и единственным поставщиком горючего. Потерять Баку означало резкое ухудшение положения на фронте. Поэтому, несмотря на все попытки гитлеровцев, на азербайджанскую столицу не упала ни одна вражеская бомба. Баку охранялся в этом плане даже надежнее, чем Москва и Ленинград. Кто был в Баку, видел сплошной лес нефтяных вышек, которые располагались буквально в 20–30 метрах одна от другой. В старых нефтяных районах мелкие качалки располагались в 50 метрах одна от другой. В окрестностях города, в районах нефтепереработки нефть текла по улицам. И, попади сюда даже несколько бомб, сплошной огненный факел горел бы не один месяц.

После провала кавказской операции немцы решили достичь Баку через Иран. Туда было заброшено много фашистских военных специалистов и ряд подразделений. Число их здесь неуклонно росло. Прибыла и группа высокопоставленных военных чинов, что не могло

ускользнуть от нашей разведки. По ее информации, выбрав момент, в одну из ночей армия генерала А.А. Лучинского вошла на территорию Ирана. Захваченные в плен немецкие генералы, офицеры и солдаты свидетельствовали о наличии фашистской угрозы. Были приняты меры для защиты Баку с юга. Это имело огромное стратегическое значение еще и потому, что через Иран в Советский Союз шли поставки техники и снаряжения по ленд-лизу.

Пароход доставил нас в Бендер-Шах. Здесь в лагере для карантина мы стали нести первые потери... от тропической малярии. Не обошла она и меня, но, к счастью, санитар, грузивший трупы, обнаружил, что я еще не отдал Богу душу. Очнулся в госпитале в Сари, где дислоцировалась наша дивизия.

В конце войны правительство Мосаддыка попросило у СССР помощь в ликвидации иранской фашистской партии. То была необъявленная акция, и поэтому нас долгие годы не признавали участниками войны. Советские войска покинули Иран, как и обусловлено было договором, через год после окончания войны. Наша дивизия морем прибыла в Махачкалу на расформирование. Основную часть личного состава направили на Курилы, а группа примерно в двести человек занималась еще месяца два-три ликвидационными делами. После этого мы поступили в распоряжение Бакинского военного округа. Меня направили в танковый полк, размещавшийся в Сальянских казармах на тогдашней окраине Баку, которая ныне достигла Баладжар. Формировался этот полк в Тбилиси. Поэтому подавляющее большинство личного состава были грузины, а командовал нами полковник Колхидашвили. На вооружении были новейшие самоходные установки Су-152 и тяжелые танки «Иосиф Сталин». Первоначально полк предназначался для возможного отражения нападения Турции, которая, как и Япония, обещала Гитлеру вступить в войну на стороне Германии после падения Сталинграда.

В штабе полка я встретил знакомого по Ирану капитана Бондарева, который пригласил меня к себе старшиной батальона. Через несколько месяцев Бондарев познакомил меня с начальником продовольственного полка Андреем Варламовичем Скляровым, который пригласил меня заведовать продовольственными складами. Предложение я решительно отверг: дело незнакомое, да и опасное. Он начал убеждать, что там, мол, есть материально-ответственные лица, а ваша работа – это контроль. Больше ничего от вас, собственно, и не требуется.

– А куда уходит нынешний заведующий Церцвадзе? – поинтересовался я.

– По возрасту он подлежит демобилизации, но попросил оставить его на сверхсрочную службу. Оставлять его в прежней должности я не могу по ряду причин, а на другую он не соглашается. Поэтому мне очень нужен для его замены честный человек.

В общем, они вдвоем меня уговорили. А еще через несколько месяцев, когда на Склярова пришел вызов из Германии, меня назначили временно на его место. И тут случилось ЧП: кладовщик основного продуктового склада Георгий Уваров заявил, что у него крупная недостача. Пошли на склад разбираться. Он показал мне, что воровали так, чтобы внешне было незаметно. Кража обнаружилась случайно. При выдаче дополнительных пайков к майским праздникам 1947 года не хватило шоколада и бекона. По моему представлению командир полка разрешил взять часть этих продуктов из неприкосновенного запаса (НЗ) с последующим их возвратом в месячный срок. Воры действовали расчетливо: с внешней стороны коробка была полной, а с той, что у стены, вместо 4 банок – пустое место. Те же махинации и с шоколадом. Кража в крупных размерах. Такое количество можно увезти только на машине. Что делать? Заявлять?

– Давай, – говорю, – подумаем, как это могло произойти?

Склад размещен в бывшей конюшне. Стены каменные, высокие, вверху маленькие зарешеченные окна для света, значит, утащить могли только через двери. Но днем невозможно сделать это: дверь выходит на центральную площадку для построения полка перед разводом. На противоположной стороне – трехэтажное здание штаба полка. Рядом с дверью склада примерно такая же дверь – вход в клуб полка, самое оживленное место от подъема и до отбоя. А вечером и ночью у склада часовой с автоматом. Обновление НЗ производилось полгода назад.

Уваров лично устанавливал полные ящики. После долгих обсуждений пришли к выводу: надо по очереди ночевать на складе, взяв на всякий случай мой пистолет, и держать это в строгом секрете. В 18 часов один из нас оставался в складе, а другой, опломбировав дверь, шел в караульное помещение, расписывался в приемо-сдаточной ведомости и возвращался с разводящим и часовым для сдачи складских дверей. День работать, а ночью прятаться на мешках с крупой было очень нелегко, да и не покидали сомнения в успехе операции. Но неожиданное происшествие в полку прибавило нам сил. В размещавшемся в этом же здании рядом с нами вещевом складе тоже обнаружилась кража, причем тоже совершенно случайно. Накануне заместитель командира полка подполковник Шарипов выбрал себе сапоги, китель, брюки, фуражку, ремень – то, что положено было по срокам носки. За этими вещами должен был зайти с накладной через день его адъютант. Когда тот появился, выяснилось, что отобранные Шариповым вещи исчезли. Кладовщика взяли под стражу: днем он работал, а на ночь отправлялся на гауптвахту. Проведенная ревизия выявила крупную недостачу. Началось следствие, а мы с новой надеждой продолжили свою вахту.

Однажды заходит ко мне Уваров. Совсем убитый.

– Что еще случилось? – спрашиваю его.

Молча подал газету и сказал: читай. В газете напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1947 года об отмене смертной казни и продлении срока заключения с 10 лет до 25 лет (вскоре жизнь заставила отменить этот указ).

– Лучше быть невинно расстрелянным, чем маяться 25 лет по тюрьмам, – грустно сказал он, когда я прочитал указ.

Я его подбодрил, тем более, что, как мне казалось, появилась «ниточка». Дело в том, что, внимательно просматривая постовые ведомости, я обнаружил такую закономерность: когда третий батальон заступает в караул, один и тот же солдат охраняет во вторую смену один из складов. Несколько раз он стоял у нашего продовольственного, затем у вещевого, еще раньше у склада вооружения. В ночь с 10 на 11 июня 1947 года, оставаясь в складе, я сказал Уварову: «Сегодня заступает в караул третий батальон. Если «подозреваемый» во вторую смену дежурит у нас, дай мне знать стуком сапога в дверь. Значит, на посту. Это условный сигнал». А буквально через час после того, как Уваров сдал склад, его вызвали к замполиту полковнику Мамаеву. Он человек в полку новый. Высокий, стройный красавец. По слухам, занимал в Москве генеральскую должность. Но за амурные дела, что тогда строго каралось, он оказался в Баку с серьезным понижением. Мамаев спросил его: «Где Валовой?» Уваров ответил: «Я не знаю, он уже уехал». – «Бери машину и ищи его». В такой ситуации Уварову нельзя было не ехать. Когда Уваров вернулся, у Мамаева сидел заместитель командира полка Шарипов и начальник штаба Казначеев. Уваров доложил, что меня не нашел. «Ну, хорошо, тогда садись и слушай, – недовольно заявил Мамаев. – Мы располагаем сведениями о том, что вы с Валовым занимаетесь хищением продуктов, ведете развратный образ жизни. В последнее время Валового вечерами в полку никто не видел, никто не знает где он, чем занимается. Да и вы тоже... В общем, завтра начнем ревизию склада».

Между тем, ничего не ведая об этом, я продолжал сидеть в «засаде». Но, видимо, вымотавшись за день, я уснул. Проснулся от шума: кто-то бежит с фонариками, вытаскивают что-то. Пригнув голову за мешки, я начал стрелять в полной темноте. На минуту-две все стихло, а затем послышалась автоматная очередь. Слышу, прибежал начальник караула и часовой ему что-то объясняет. Тогда я обнаружил себя и предложил вызвать Уварова и вскрыть склад. Но тот, как выяснилось, сам прибежал на выстрелы и через дверь сообщил мне, что пломба и замок на месте. Я предложил посмотреть повнимательнее, как они могли пролезть в склад. Лаз обнаружили сразу. Дверь легко выходила из паза и с помощью ломика, висевшего рядом на пожарном щите, ее снимали с навеса и отводили назад. В результате внизу образовалась большая дыра, в которую можно было вытаскивать все что угодно.

Часовой так объяснял ситуацию: «Я на минутку отошел к другому караульному, но услышал шорох, тотчас вернулся и, увидев эту дырку, понял, что туда кто-то проник, поэтому стал стрелять». Как только началась стрельба, дежурный по полку объявил тревогу и к моменту вскрытия склада появилось начальство. Когда включили свет, увидели убитого. Одна из моих пуль настигла преступника в тот момент, когда он присел за барьером перед выходом. Что касается пуль часового, то они «прошили» мешки с крупой, из-за которых я стрелял. Убитый был в комбинезоне и майке. Начальник штаба Казначеев его сразу узнал. Наш сверхсрочник механик-водитель из третьего батальона. На его квартире обнаружили и украденное обмундирование и остатки шоколада и бекона, и вещественные доказательства посущественнее: два пистолета ТТ, числившиеся по описи на оружейном складе.

После завершения экспертизы на месте происшествия я ушел к себе в комнату отдохнуть. Где-то около часа вызвали меня к следователю, в здание штаба. Я его сразу узнал по особым приметам: низкого роста, толстый, с большой лысиной и длинным носом. Я видел его на проводах Складорова. Мы уже собрались расходиться после прощального обеда, когда появился этот следователь – подполковник, чтобы договориться о покупке автомашины у Складорова. Войдя к следователю, я представился. Он, не отрываясь от бумаг, предложил присесть. Пауза длилась несколько минут. Затем, он, пронзив меня взглядом, издевательски заметил:

– Значит, выходит, товарищ Сталин смертную казнь отменил, а Валовой применил...

Он имел в виду недавно опубликованный указ. Я не мог сдерживать себя, и отчеканил:

– Товарищ подполковник! Видимо, вы не знакомы с результатами экспертизы, о чем нам с вами в таком случае говорить... До свидания.

Отдав честь, я развернулся и вышел. Добравшись до своей кровати, лег, не раздеваясь. Примерно через полчаса в моей комнате появились полковник Мамаев и адъютант командира полка старший лейтенант Городецкий. Я хотел было встать, но Мамаев опередил мои намерения:

– Лежите, лежите...

Он взял стул и подсел ко мне. Пока обдумывал, с чего начать неприятный разговор, я как-то непроизвольно жалобно произнес:

– Товарищ полковник, мне очень плохо, помогите.

Он дотронулся ладонью до моего лба:

– Да у вас высокая температура...

Отправив адъютанта за дежурным врачом, поинтересовался, что у меня болит. Я рассказал о жутких болях в правом боку, мучавших меня уже более двух недель. На вопрос, почему же я не обратился в медсанчасть, пришлось объяснить, что это сорвало бы нашу засаду на складе. Недостача была бы еще больше, а в итоге невинные кладовщики получили бы солидный срок. А вчера, как мне стало известно, вы говорили Уварову о моей «развратной» жизни. Думаю, и для меня нашлась бы статья уголовного кодекса...

– Теперь эти клеветники у меня попляшут, – прервал меня Мамаев.

Появившиеся вскоре медики поставили диагноз: запущенный плеврит. Температура 39,6.

– Сколько же ночей вы провели на складе? – поинтересовался полковник.

– Полтора месяца по очереди с Уваровым валялся на мешках с крупой. По ночам было сыро и холодно.

По распоряжению Мамаева меня срочно отправили в госпиталь. Здесь меня регулярно навещали Уваров и кладовщик вещевого склада, видевшие во мне своего спасителя. Наведался и посланник Мамаева, который сообщил, что по выписке мне предоставят месячный отпуск. Но самым неожиданным был визит довольно пожилого азербайджанца в сопровождении лечащего врача. Он оказался директором крупного военоторговского магазина в Сальянских казармах. Вот что он рассказал:

– Услышав о вашей успешной засаде, я тут же нанял милиционера на скрытые ночные дежурства. Дело в том, что в последние полгода росла нехватка. Днем у всех на виду воровать не могли, ночью магазин охранял сторож, располагавшийся в стеклянном тамбуре перед входом. Уже на втором своем дежурстве милиционер стал свидетелем такой сцены: глубокой ночью сторож открывает магазин, заходит, выпивает рюмочку коньяку, закусывает, похозяйски медленно обходит «владения», наполняя довольно приличную кошелку, естественно, самыми дорогими товарами. Затем опять выпивает рюмку, закусывает, и уже собрался уходить, как милиционер остановил его, включил свет: Теперь сиди, а я буду охранять.

– Сейчас в магазине все в порядке. И вот узнав, что вы в госпитале, решил навестить, лично познакомиться. Привез кагор, коньяк и всякую снедь. Кушайте с напарником, на здоровье.

Но беда, как говорится, не приходит одна. Вернувшись из отпуска, я узнал, что у нас новый начальник продовольственного снабжения – капитан Сироткин. Поскольку полк подчинялся округу, мы отправились с ним на поезде в Тбилиси для сдачи очередного отчета; он, кроме того, должен был предстать перед заместителем командующего округом по тылу. По дороге в Тбилиси, в нашем открытом «купе» ехали незнакомые капитан и майор. Я залез на верхнюю полку и улегся. Сосед – капитан – спросил у своего майора:

– Вы успели прочитать новый приказ по округу?

– Нет, – ответил тот.

И тогда капитан начал пересказывать приказ командующего округом о ЧП в танковом полку. Сидевший напротив Сироткин не выдержал и заметил, что это произошло у нас. И пересказав коротко «сюжет» событий, объявил: «Да, на верхней полке тот, кто был в засаде». Попутчики предложили пригласить меня к столу и выпить за знакомство. Сироткин объяснил им, что я не пью вообще и на эту тему не люблю говорить. Они пили всю дорогу и почти не спали.

Поезд прибывал в Тбилиси поздно ночью. Поскольку с гостиницами были проблемы, решили до утра просидеть в воинском зале ожидания на вокзале. Подобрали подходящее место, Сироткин остался, а я вышел прогуляться. Вернувшись, застал его беседовавшим с высокой худощавой грузинкой неопределенного возраста. Она предложила переночевать у нее. «Я женщина бедная, спасибо скажу, если немного заплатите или дадите продуктами. Вчера племянник из деревни привез крепкую чачу, угощу вас». Мы зашли во двор вместе с хозяйкой и спускались по крутой лестнице в явно нежилое помещение, где стоял полумрак. Она, болтая с Сироткиным, начала готовить чай, поставила на стол чачу. Я подошел к стоявшим кроватям, очень жестким, застланным старыми простынями и каким-то тряпьем. Все это не могло не вызывать подозрений. В самом подвале никаких признаков обжитого помещения. Тем временем Сироткин уже попробовал чачу: «Ох, и жжет, крепкая». Вдруг в верхнюю дверь постучали, и женщина ринулась открывать. Но я преградил ей путь и, угрожая пистолетом, приказал сидеть. Сироткину говорю: «Собирайте быстро свой чемоданчик, и уходим». Когда мы поднялись по лестнице наверх, я сделал два предупредительных выстрела и тут же открыл дверь, от которой убегали три «племянника».

Мы пошли в Дом туриста, где я прежде несколько раз останавливался и там нашли для нас места. Так прошла эта ночь. В штабе округа я занялся сдачей отчетов, а Сироткин направился к начальнику тыла, куда вскоре звонком вызвали и меня. Когда я представился, начальник кабинета спросил:

– Вы можете показать арку двора, где был тот подвал?

Я ответил утвердительно. Позвонив в комендатуру и рассказав о нашем ночном приключении, начальник тыла попросил прислать человека, чтобы с моей помощью найти и взять под наблюдение злополучный подвал. А нам пояснил, что в городе исчезли несколько приезжих

офицеров интендантской службы. Видимо, на них кто-то прицельно охотится в это голодное время, полагая, что у них есть что-то в запасе.

На следующий день меня пригласили к командующему Закавказским округом маршалу Советского Союза Ф. И. Толбухину.

- Сколько вам лет? – спросил он, когда я представился.
- В мае, во время засады на складе, исполнилось двадцать.
- А сколько прослужили?
- Три года.

Во время душевного разговора он посетовал, что и в мирное время приходится рисковать своей жизнью. Явно имея в виду тот случай на складе. Я ему объяснил, что иного варианта разоблачить грабителей не было. Далее маршал заговорил о военном житье-бытье. «Вот вы уже прослужили три года, а юноши 1928 года рождения будут призваны только осенью, когда им исполнится 20 лет. Такой порядок предписан Конституцией для мирного времени. Получается, что у нас три года не было призыва. Солдаты и сержанты 1925 и 1926 годов еще ждут демобилизации. Видимо, вам придется служить еще 3–4 года». И тут же заметил, что есть приказ присваивать звание лейтенантов в связи с нехваткой младших офицеров сержантам, прослужившим три года и хорошо себя проявившим. «В полку вас характеризуют положительно. Проект приказа у меня на столе. Если согласны, я его подпишу тотчас же, и вернетесь в Баку лейтенантом».

Я поблагодарил за доверие, но не стал скрывать, что мечтаю получить высшее образование и мне уже разрешили поступить заочно в институт, и я буду совмещать службу с учебой. Маршал похвально отозвался о моем стремлении и пожелал успехов. К сожалению, он оказался прав: служить мне пришлось еще более четырех лет, а в общей сложности почти восемь годков. Это время равно сроку учебы в институте и аспирантуре.

Месяц спустя после нашего возвращения из Тбилиси командиру нашего полка пришло письмо от коменданта Тбилиси с просьбой объявить Сироткину и мне благодарность за содействие в разоблачении банды, на счету которой значилось немало жертв.

В начале 60-х годов в Москве я случайно встретил своего бывшего замполита полка Мамаева и уверенно окликнул:

- Товарищ Мамаев?
- Он пристально рассматривал меня, пытаясь вспомнить. Я помог:
- Баку, танковый полк, Валовой...
- Тот самый?
- Так точно!
- И какими судьбами в Москве?

Я рассказал, что окончил здесь аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию. Направили работать в новый журнал ЦК КПСС «Политическое самообразование».

Он на всякий случай записал мой телефон, и, как бы между прочим, поведал любопытный эпизод. Когда я был в госпитале, к нему зашел свидетель моей «развратной» жизни, парт-орг полка, и покался. По его рассказам, замполит 3-го батальона пригласил его на майские праздники к знакомым, где было несколько наших полковых и десятка два незнакомых лиц, в том числе девицы. Компания собралась в доме у любовницы убитого механика-водителя. На столе изобилие спиртного и закусок. Хозяин щедро угощал. И на вопрос, откуда такое богатство, намекнул, что, мол, наши кладовщики все это продают через знакомых по дешевке, чтобы иметь деньги на дорогих проститутках. Отсюда слухи о наших с Уваровым неблагоприятных делах.

- Вы женились в Москве? Кто ваша жена?
- Да, в Москве. Она закончила Институт внешней торговли, работала немного во Внешторге. Потом окончила аспирантуру в Плехановке, защитила кандидатскую и пришла в Мос-

ковский экономико-статистический институт на кафедру политэкономии, где я был аспирантом. Но познакомились мы раньше, в Ленинской библиотеке.

Мы поженились, я окончил аспирантуру, мне предложили в Москве работу. И от себя добавлю в продолжение: к моей защите кандидатской жена подарила мне дочь Татьяну, а к защите докторской – дочь Марию. За год до нашего знакомства умер ее отец, генерал-лейтенант Евгений Петрович Лапшин. В молодости он был комиссаром полка, служил на Амуре на китайской границе, когда началась коллективизация, его назначили секретарем Ленинградского райкома партии Краснодарского края. В 1936 году его направили на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Во время войны выполнял важные операции. Его с командой несколько раз забрасывали в тыл врага, где он корректировал действия нашей операции. Был в Берлине задолго до прихода наших войск. Генерал-лейтенант Лапшин Е.П. награжден многими боевыми орденами. В феврале 1945 года награжден орденом Ленина, а в апреле 1945 года орденом Отечественной войны I степени.

А мама моей жены Мария Агеевна – заслуженная учительница, пережила мужа на 30 лет. И многие годы нам звонят ее бывшие ученики, ставшие известными стране деятелями. Когда появилась первая внучка, она мечтала дожить до ее похода в школу. Но, слава Богу, дожила до ее поступления в аспирантуру, а второй внучки – в Московский университет им. В.М. Ломоносова.

Молотов: «Мне сказали, что Дзержинский лезет не в свои сани»

После демобилизации я был студентом четвертого курса Заочного экономического института и меня назначили начальником планового отдела Строительно-монтажного управления союзного треста «Азнефтеэлектромонтаж». В институте нас учили: чем дешевле продукция, тем лучше! А на практике все делалось наоборот. Ради выполнения плана удорожали продукцию и стоимость работ. На линиях электропередач, где нагрузку вполне могут выдержать деревянные опоры, мы устанавливали их из стальных труб, которые в шесть раз дороже. Вместо алюминиевого провода натягивали медный, в четыре раза дороже. Но больше всего меня насторожило повторное включение в план стоимости «чужой» продукции.

Дело в том, что простые опоры для ЛЭП 6 киловольт и телефонных линий мы делали сами на объектах и включали их в стоимость в объеме выполненных работ. А сложные опоры ЛЭП 120 киловатт мы получали уже готовыми с трестовского Электромеханического завода, где они включались в объем плана завода.

Мы устанавливали эти опоры и снова включали их стоимость в свой план. Стоимость таких опор составляла 50–60 процентов нашего плана. Это явная липа. Рано или поздно все это может открыться, и тогда нас по головке не погладят. Не пахнет ли здесь вредительством. В армии мне удалось предотвратить незаслуженную кару. А как сложится здесь? В общем, после долгих размышлений я подал заявление об уходе по собственному желанию. Начальник управления Александр Федорович Корхов внимательно выслушал меня, а затем начал успокаивать: «Так делают все, и не по злему умыслу, а ради выполнения плана и зарплаты». Он рекомендовал мне посоветоваться с главным инженером треста Н.С. Мовсесовым, у которого есть опыт критики существующих методов планирования.

Через несколько дней я зашел к Мовсесову и рассказал ему, что меня волнует откровенное расточительство и очковтирательство. Не выльется ли оно в конце концов во вредительство? Нермос Сергеевич Мовсесов поведал мне историю о том, как он выступил с критикой такого планирования на семинаре в Вечернем университете марксизма-ленинизма. А через три дня его прорабатывал секретарь горкома партии...

Мовсесов сказал, что все его знакомые руководители ради выполнения плана в рублях вынуждены удорожать продукцию кто как может. Что же касается повторного счета «чужой» продукции, то такой «порядок» предписан сверху. Вот наш сосед – Трест бурильных работ. В объем работ трест включает не только стоимость бурильных труб, но и стоимость нефтяных вышек, с которых ведется бурение. В заключение беседы Нермос Сергеевич Мовсесов сказал:

– Не хочу быть пророком, но я уверен, что у вас неприятности могут быть скорее от критики нынешнего «порядка» планирования, чем от его исполнения.

Пророческие слова! Моя многолетняя борьба с этими пороками планирования постоянно напоминала о них!

Тридцать пять лет спустя – 18 февраля 1988 года в 18.25 я выступал в прямом эфире из переполненного концертного зала студии Останкино с критикой последней горбачевской реформы, которая была настолько несуразной, что на Совете Министров СССР я назвал ее «удалением гланд через дальний проход». После выступления я попросил задавать вопросы. Осматривая зал с поднятыми руками, я увидел Мовсесова с поднятой рукой, пригласил на сцену и представил его:

– Это реальный герой моей повести «Поиск» – Нермос Сергеевич Мовсесов. В 1951 году, когда я начинал свою трудовую деятельность, он был главным инженером треста «Азнефтеэлектромонтаж», теперь он известный энергетик, начальник Главэнерго Минмонтажспецстроя СССР. В порядке отклика на мою повесть «Поиск» он прислал трактат на ста страницах, где

приведены современные формы расточительности ради накручивания объема в рублях. Расточительство 50-х годов, воспринимавшееся нами чуть не как вредительство, на фоне современных «новинок» выглядит детской шалостью. Вам слово, Нермос Сергеевич:

– В своем солидном отклике, о котором говорил сейчас Дмитрий Васильевич, я написал, что повесть «Поиск» автобиографична. Герой повести А.А. Васильев – сам автор. В тресте, где он начал свою трудовую деятельность, работал и я. Основные работники треста, приведенные в повести, – реальные люди. У некоторых сохранены подлинные имена и фамилии. А теперь приведу один из примеров накручивания липового объема в рублях в нашей отрасли.

Наше министерство – крупнейший потребитель металла, а фонды на него все время приходится выбивать с трудом. Поэтому мы купили за рубежом два модных сейчас металлургических мини-завода. В объем строительно-монтажных работ мы полностью включили и стоимость готовых купленных заводов.

...Чтобы разобраться в истоках расточительства, я решил воспользоваться рекомендацией для поступления в аспирантуру после окончания института с красным дипломом. В аспирантуре я начал серьезно изучать историю создания хозяйственной системы с первых лет советской власти. Оказывается, еще при формировании советской модели экономики в 20-е годы прошлого века вокруг проблемы показателей измерения объема производства и оценки работы производителей велись острые дискуссии.

Одни ученые предлагали использовать для этого показатель «валовая продукция», в обиходе просто «вал». Этот показатель представляет собой общую стоимость выпускаемой продукции. Недостатком этого показателя является то, что он включает в объем производства повторный счет предметов труда. Стоимость хлопка включается в себестоимость ткани, а ткань в стоимость костюма. И таким образом от сырья до готовой продукции многие предметы труда включаются в объем валовой продукции на разных предприятиях 4–6 раз. Метод включения повторного счета в объем производства в науке известен как «догма Смита».

Разоблачая догму Смита, Маркс предупреждал: «Чтобы не запутывать дела, необходимо отличать валовую выручку от валового дохода». Валовая выручка включает многократный повтор стоимости предметов труда, то есть по-современному вал, а валовой доход исключает материальные затраты. Он представляет собой вновь созданную стоимость или чистую продукцию. В своих знаменитых схемах воспроизводства общественного капитала Маркс исключал сумму повторного счета материалов из объема производства. В.И. Ленин, развивая схемы Маркса с учетом технического прогресса, в работе «По поводу так называемого вопроса о рынках» также исключал повторный счет предметов труда.

Опираясь на труды Маркса и Ленина, многие ученые в дискуссиях выступали против валовой продукции и предлагали использовать для измерения объема производства чистую продукцию. Таких ученых было большинство. Но на практике почему-то предпочтение было отдано валу. Поэтому «метр» советской экономики стал резиновым. Он растягивался по мере роста повторного счета в процессе специализации производства.

Таким образом, капиталисты прислушались к предупреждению Маркса и не включали повторный счет в объем производства, а коммунисты игнорировали Маркса и Ленина и построили свою хозяйственную систему на базе «догмы Смита».

Поэтому предложенная мною тема диссертации, в которой я предлагал отказаться от вала в качестве измерителя объема производства, была отвергнута под предлогом, что она не соответствует профилю кафедры политэкономии. Мне посоветовали обратиться на кафедру планирования или статистики. Но и там я получил от ворот поворот. Более того, походы по кафедрам и беседы там на эту тему создали мне «славу» не совсем нормального аспиранта, который выступает против главного директивного показателя. Тогда друзья посоветовали мне взять «диссертательную» тему, а бредовые, по их мнению, идеи отложить до лучших времен. Я так и поступил.

Невольно вспомнил слова Мовсесова, что неприятности, скорее всего, последуют за критику расточительного «порядка». Но в науке даже до критики дело не дошло. Но я продолжал искать: когда и почему вал стал главным директивным показателем?

После аспирантуры меня пригласили на работу в новый журнал ЦК КПСС «Политическое самообразование». При подготовке к печати статьи вице-президента АН СССР, академика К.В. Островитянова в одной из бесед я рассказал ему о своих мытарствах с диссертацией и спросил его об отношении к «догме Смита». Он рекомендовал мне поговорить с академиком С.Г. Струмилиным, который публиковал на эту тему статью и у него возник конфликт и с Институтом экономики АН СССР.

«Наводка» была сверхудачной. Станислав Густавович Струмилин в 20-е годы работал в Госплане СССР и был активным участником всех дискуссий по этой проблеме. После того как я рассказал о накручивании липового вала из своей практики и как «зарезали» мою диссертацию на эту тему, Струмилин поведал мне о своей критике «догмы Смита».

В 1951 году в журнале «Вопросы экономики» он опубликовал статью с критикой «догмы Смита». Но Ученый совет Института экономики АН СССР подверг статью резкой критике и принял осуждающее решение: «Следовательно, суммирование в совокупном общественном продукте многократно повторяемой стоимости сырья и средств производства полностью отвечает объективному процессу образования стоимости и отнюдь не является неким «повторным счетом» и «статистическим искажением».

Главным «доводом» Института было Постановление правительства об исчислении объема производства на базе валовой продукции. Оказывается, есть такое Постановление. Его подписал Председатель Совета народных комиссаров Вячеслав Михайлович Молотов. Это означает, что советская модель хозяйственного механизма изначально была не только анти-марксистской, но и антинаучной.

Молотов (настоящая фамилия Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986 гг.) – член РСДРП с 1906 года. В 1921 году был избран секретарем ЦК ВКП(б) и кандидатом в члены Политбюро, а в 1930 году назначен Председателем Совета народных комиссаров (СНК) СССР. В 1941 году Правительство и Государственный комитет обороны (ГКО), созданный в связи с нападением фашистской Германии, возглавил Сталин, Молотов с 1941 по 1957 год был первым заместителем Председателя СНК СССР, одновременно в 1941–1945 годах – заместителем Председателя ГКО, в 1939–1949 и 1953–1956 годах – министром иностранных дел. В 1957–1960 годах – посол СССР в Монголии, а в 1960–1962 – представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии в Вене.

После возвращения из Вены Молотов ушел на пенсию. В тот период у меня было с ним несколько бесед. Вячеслав Михайлович резко отрицательно отзывался об экономической деятельности Хрущева: продолжение такой политики, по его словам, может привести к развалу народного хозяйства страны.

– Развал вполне возможен, но совсем по другой причине, и вы в определенной мере причастны к этому, – несколько недипломатично заметил я в одной из бесед.

– Что вы имеете в виду? – чувствовалось, мои слова насторожили Вячеслава Михайловича.

– Я имею в виду «догму Смита», на которой базируется наш хозяйственный механизм.

– Я в свое время много слышал о ней. Но какое отношение она имеет к советской экономике?

К моему ответу Вячеслав Михайлович проявил большой интерес. Он даже попросил меня, если есть время, проводить его до улицы Грановского, где у него была назначена встреча с врачом. Когда я стал рассказывать о принципиальном выступлении Дзержинского против валовой продукции на пленуме ЦК, он прервал меня:

– Да, да, я хорошо помню это выступление. Кто-то с места ему возражал. После пленума многие экономисты высказали недовольство: мол, Феликс Эдмундович лезет не в свои сани, – сказал Вячеслав Михайлович.

– Вот эти экономисты вас и подвели и резко ограничили огромные преимущества плановой системы управления экономикой.

Почему Хрущев возненавидел Сталина, но полюбил Солженицына?

Камертоном доклада Хрущева на XX съезде партии, что больше всего нас тогда потрясло, было заявление о сокрытии Сталиным завещания Ленина, которое Хрущев цитировал и комментировал. При этом Хрущев заявил, что завещание в СССР находилось за «семью печатями». Потому де Сталину удалось возглавить партию вопреки воле Ленина. Я, как и десятки миллионов людей, принял тогда все это за чистую монету. Однажды в беседе с Молотовым я дал положительную оценку освоению целины, на что Вячеслав Михайлович возразил:

– Целина обескровила и без того слабое сельское хозяйство центральной части России. Вы через несколько лет убедитесь, что целина – это такая же афера, как и доклад Хрущева.

– Какой доклад? – переспросил я.

– Я имею в виду доклад на XX съезде, а точнее ту его часть, где речь идет о сокрытии от партии «Завещания Ленина». Никакого такого завещания не существует, оно придумано зарубежными приятелями Троцкого, но в хрущевском варианте вранья больше, чем у западных недругов. Он даже скрыл общеизвестный факт, что после оглашения «Письма» Ленина на XIII съезде Сталин подал в отставку, но пленум единогласно отверг ее и потребовал от Сталина оставаться на своем посту. Поскольку Вячеслав Михайлович отзывался о Хрущеве резко отрицательно, этим его словам я не придал тогда значения. Однако после XXII съезда, на котором критика Сталина приняла беспрецедентный размах и превратилась в очернение всей эпохи строительства социализма, я решил исследовать первоисточники и выяснить: каким же образом Сталину удалось скрыть завещание Ленина?

В 20-е годы у нас гласности было больше, чем при Горбачеве и Ельцине, вместе взятых. Шли разнообразные дискуссии, материалы которых широко публиковались и комментировались в печати. Изучая стенограммы съездов и пленумов партии, публиковавшиеся в те годы, а также работы Бухарина, Троцкого, Сталина, я убедился, что действительно «Завещания Ленина», как такового, не существует. Такое название дал американский публицист Истмен ленинскому «Письму к съезду» в своей книге «После смерти Ленина», где не жалел черных красок для характеристики советской власти и партии большевиков и благожелательно отзывался о Троцком и троцкистах.

«Письмо к съезду» Владимир Ильич продиктовал в конце 1922 года. В записи от 23 декабря речь идет «об увеличении числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни» и о предотвращении возможного раскола в партии. Это «Письмо...», как и последующие статьи, предназначалось для XII съезда партии, который проходил 17–25 апреля 1923 года. Известно, что в предсъездовский период здоровье Владимира Ильича заметно улучшилось. Поэтому начало работы съезда отодвинули на месяц в надежде на личное участие Ленина. Естественно, возникает вопрос: почему письмо Ленина не было доведено до сведения делегатов? Об этом в одной из бесед я спросил Молотова.

«Вопрос о том, следует ли зачитывать съезду «Письмо...» Ленина или нет, – вспоминал Вячеслав Михайлович, – обсуждался на Политбюро несколько раз, и каждый раз находили это нецелесообразным. И здесь была своя логика: если зачитывать «Письмо...», то Политбюро должно предложить Пленуму, а последний – съезду новую кандидатуру на пост Генсека. Но о кандидатуре Троцкого не могло быть и речи, так как он противопоставил себя не только Политбюро ЦК, но и Ленину.

После смерти Ленина Троцкий развернул яростную борьбу за власть. Противостояние Троцкого и Сталина принципиально отличалось от «антагонизма» Хрущева и Маленкова. В первом случае это была принципиальная борьба за и против построения социализма, во втором – «дворцовая» интрига за личное лидерство. Сталин был решительным сторонником

ленинского плана построения социализма в СССР. Троцкий же категорически отрицал вообще такую возможность в условиях капиталистического окружения. Осенью 1924 года он публикует статью «Уроки Октября», в которой извращает историю большевизма и пытается заменить ленинизм троцкизмом. Сторонники Троцкого развернули кампанию против Сталина. Чтобы прекратить разного рода кривотолки и спекуляции оппозиции, Политбюро приняло решение зачитать «Письмо Ленина...» на XIII съезде. Его обсуждение проходило в делегациях региональных партийных организаций, и каждая из них должна была проголосовать за свою кандидатуру на главный пост в партии. В результате ни одной кандидатуры, кроме Сталина, предложено не было. Поразительно, но факт. Троцкий и его сторонники – делегаты – тоже голосовали «за». Тем не менее на Пленуме, избранном XIII съездом партии, Сталин подал в отставку, но ему было единогласно предложено оставаться на своем посту.

Однако и после этого инсинуации вокруг «завещания» Ленина продолжались. Тогда члены Политбюро предложили Троцкому отмежеваться от клеветы Истмена, ссылавшегося на него как на лидера оппозиции. В статье «По поводу книги Истмена «После смерти Ленина», опубликованной в журнале «Большевик» № 16 за 1925 год, Троцкий пишет: «В нескольких местах книжки Истмен говорит о том, что ЦК «скрыл» от партии ряд исключительно важных документов, написанных Лениным в последний период его жизни (дело касается писем по национальному вопросу, так называемого завещания и пр.); это нельзя назвать иначе, как клеветой на ЦК нашей партии. Из слов Истмена можно сделать тот вывод, будто Владимир Ильич предназначал эти письма, имевшие характер внутриорганизационных советов, для печати. На самом деле, это совершенно неверно. Владимир Ильич со времени своей болезни не раз обращался к руководящим учреждениям партии и ее съезду с предложениями, письмами и пр. Все эти письма и предложения, само собой разумеется, всегда доставлялись по назначению, доводились до сведения делегатов XII и XIII съездов партии и всегда, разумеется, оказывали надлежащее влияние на решения партии, и если не все эти письма напечатаны, то потому, что они не предназначались их автором для печати. Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и самый характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключали возможность такого «завещания». Под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка. XIII съезд партии внимательнейшим образом отнесся и к этому письму, как ко всем другим, и сделал из него выводы применительно к условиям и обстоятельствам момента. Всякие разговоры о скрытом или нарушенном «завещании» представляют собой злостный вымысел и целиком направлены против фактической воли Владимира Ильича и интересов созданной им партии».

Как видим, Троцкий однозначно заявляет, что никакого «завещания» не было и быть не могло, так как характер самой партии исключает возможность такого «завещания». Но и после этого оппозиция продолжала нагнетать страсти вокруг этого вопроса, который стал предметом обсуждения на заседании объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП (б) в октябре 1927 года. В докладе Сталин, в частности, сказал:

«Теперь о «завещании» Ленина. Здесь кричали оппозиционеры, – вы слышали это, – что Центральный Комитет партии «скрыл» «завещание» Ленина. Несколько раз этот вопрос у нас на Пленуме ЦК и ЦКК обсуждался, вы это знаете. (*Голос. Десятки раз.*) Было доказано и передоказано, что никто ничего не скрывает. Оно обсуждалось на XIII съезде партии. Все это известно оппозиции не хуже всех нас. И тем не менее, оппозиция имеет смелость заявлять, что ЦК «скрывает» «завещание»... На каком же основании теперь Троцкий, Зиновьев и Каменев блудят языком, утверждая, что партия и ее ЦК «скрывает» «завещание» Ленина? Блудить языком «можно», но надо же знать меру.

Говорят, что в этом «завещании» тов. Ленин предлагал съезду ввиду грубости Сталина обдумать вопрос о замене Сталина на посту Генерального секретаря другим человеком. Это

совершенно верно. Да, я груб, товарищи, в отношении тех, которые грубо и вероломно разрушают и раскалывают партию. Возможно, что здесь требуется известная мягкость в отношении раскольников. Но этого у меня не получается. Я на первом же заседании Пленума ЦК после XIII съезда партии просил Пленум ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос. И все делегации единогласно, в том числе и Троцкий, Каменев, Зиновьев, *обязали* Сталина остаться на своем посту. Через год после этого я вновь подал заявление в Пленум об освобождении, но меня вновь обязали остаться на посту. Что же я мог еще сделать?»

В конечном итоге, вопреки воле Ленина, который требовал содержание его «Письма...» довести только до делегатов съезда, по настоянию и требованию Сталина оно было опубликовано в «Правде» от 10 ноября 1927 года. Хрущев, уже находившийся в то время на руководящей работе, обязан был не только знать об этом документе, но и разъяснять линию партии в данном вопросе. Допустим, за давностью лет Хрущев забыл об этом, но 1949 год забыть он не мог. Тогда его избрали Секретарем ЦК ВКП (б) и первым секретарем Московского комитета ВКП (б), тогда же торжественно отмечалось 70-летие Сталина. И к этому событию был приурочен выпуск десятого тома собраний его произведений, куда включен упомянутый выше доклад Сталина «Троцкистская оппозиция прежде и теперь». Вопреки очевидному Хрущев заявляет: «Письмо к съезду» в СССР никогда не только не публиковалось, но и вообще не упоминалось. Сталин этого Письма боялся».

Особенно наглядно «клеветнический задор» Хрущева проявился в его заявлениях о причастности Сталина к убийству Кирова. Он, как член Политбюро, не мог не знать, что у Кирова были «романы» не только с балеринами, но и с официанткой в Смольном Мильдой Драуле. Ее муж Николаев был ревнивым и неуравновешенным человеком. Он имел право входа по партбилету в Смольный, да к тому же и охрана его хорошо знала. Некоторые лица, бывшие оппозиционеры из руководящих ленинградских кругов, использовали Николаева в своих корыстных целях. Киров, по общему признанию, был неистовым сталинцем. Заявление Хрущева о том, что еще на XVII съезде кто-то предлагал Кирова на пост Генерального секретаря и поэтому Сталин видел в нем соперника, не более чем домысел. Чтобы как-то обосновать эту версию, была создана специальная комиссия, в которую включили в основном хрущевских выдвиженцев. В ее составе значился и Молотов, который вместе со Сталиным в день убийства Кирова прибыл в Ленинград. Сталин лично допрашивал Николаева, и тот перед таким «следователем», естественно, не мог не «расколоться». Все старания комиссии оказались тщетными: когда Хрущеву доложили результаты, он разразился бранью и запретил их публиковать, хотя о создании комиссии было объявлено на всю страну.

Как и большинство коммунистов, в душе я сознавал, что хрущевские методы разоблачения Сталина вольно или невольно дискредитируют социализм, но не сомневался, что делается это во имя торжества справедливости. А раз так, то определенные издержки неизбежны и оправданны. Правда, одно никак не укладывалось в моей голове: как можно было столь мстительно относиться к человеку, который, судя по биографии, поднял малообразованного «шахтера» на такую вершину власти. Теперь, когда у меня «за плечами» полувековой опыт наблюдения за интригами в верхних эшелонах власти, когда рассекречены документы того периода, многое прояснилось.

Многие полагали тогда, что Хрущев готовит для себя место в мавзолее. Доля истины в этом, безусловно, есть. Но думается, что не она превалировала в его действиях. У Хрущева были обиды на Сталина личного характера. И чем дольше он таил их в дальних тайниках мещанской души своей, тем сильнее они стремились вырваться наружу. Кровная обида Хрущева связана с непутевым сыном Леонидом от первой жены. В бытность Никиты Сергеевича первым секретарем ЦК Компартии Украины, Леонид связался в Киеве с бандой грабителей и убийц. Многие ее участники были расстреляны. Хрущев слезно умолял Сталина сохранить

сыну жизнь. В результате тому дали десять лет. Когда началась война, Леонид попросился добровольцем на фронт, стал летчиком. После ранения, находясь в госпитале, по пьянке застрелил майора и попал под трибунал. Вопреки существовавшему запрету Хрущев самовольно покинул фронт и прилетел в Москву, где умолял пощадить Леонида. Сталин еще раз уступил его просьбе и провинившегося отправили на фронт, где при невыясненных обстоятельствах он пропал без вести.

Испытывать унижения Хрущеву от Сталина приходилось и после войны. В 1951 году Никита Сергеевич опубликовал в «Правде» большую статью о развитии агрогородов. Сталин подверг ее критике и дал указание поправить автора. Узнав об этом, Хрущев обратился к Иосифу Виссарионовичу с раболепным письмом – иначе такое и не назовешь:

«Дорогой товарищ Сталин! Вы совершенно правильно указали на допущенные мною ошибки в опубликованном 4 марта с.г. выступлении «О строительстве и благоустройстве колхозов». После Ваших указаний я старался глубже продумать эти вопросы. Продумав, я понял, что все выступление в целом в своей основе является неправильным. Опубликовав неправильное выступление, я совершил грубую ошибку и тем самым нанес ущерб партии. Этого ущерба для партии можно было бы не допустить, если бы я посоветовался в Центральном Комитете. Этого я не сделал хотя имел возможность обменяться мнениями в ЦК. Это я также считаю своей грубой ошибкой. Глубоко переживая допущенную ошибку, я думаю, как лучше ее исправить. Я решил просить Вас разрешить мне самому исправить эту ошибку. Я готов выступить в печати и раскритиковать свою статью, опубликованную 4 марта, подробно разобрать ее ошибочные положения. Если это будет мне разрешено, я постараюсь хорошо продумать эти вопросы и подготовить статью с критикой своих ошибок. Прошу до опубликования посмотреть статью в ЦК.

Прошу Вас, товарищ Сталин, помочь мне исправить допущенную мною грубую ошибку и тем самым, насколько это возможно, уменьшить ущерб, который я нанес партии своим неправильным выступлением.

Н. Хрущев. 6 марта 1951 г.»

На этом письме Сталин сделал резолюцию: «В архив ЦК. Ст.». Вместо покаянного выступления в «Правде» была опубликована редакционная статья, по-иному трактовавшая затронутые Хрущевым проблемы. Между прочим, та злополучная статья сыграла очень важную роль в карьере А.Н. Яковлева. Как инструктор ЦК, он был в группе, готовившей выступление секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева на XXII съезде партии. Александр Николаевич «откопал» и «раскрутил» эпопею этой статьи с учетом «развития культа Хрущева». Ведь в ту пору главным редактором «Правды» был Ильичев, рассказ которого на съезде об этом забытом эпизоде был настоящим бальзамом для Хрущева. Ильичев оказался в фаворе, стал академиком. В знак благодарности при первой же возможности Яковлев был назначен заведующим непрофильного для него Сектора телерадиовещания. А вскоре заместителем, а затем и первым заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК. После освобождения Хрущева от должности на первом же Пленуме ЦК Ильичева освободили от обязанностей секретаря ЦК. Лишившись высокого покровителя, А.Н. Яковлев просидел десять лет на одной должности, пока не получил назначение послом в Канаду. Здесь и «открыл» его Горбачев, возглавлявший советскую делегацию в эту страну. Дальнейшая головокружительная карьера этого политического хамелеона у всех, как говорится, на виду. Даже выйдя в тираж, этот «архитектор перестройки» и один из идеологов ельцинских реформ до последних дней своих мелькал на экранах телевидения.

Хрущевские зигзаги в конечном счете вели к тому, что социально-экономическая ситуация с начала 60-х годов неуклонно ухудшалась и обострялась. Особенно негативно на благосостоянии народа отразилось двукратное повышение цен на мясо в 1962 году, выдававшееся

за временную меру. Но известно: ничто не бывает так долговечно, как временные решения и сооружения. Свои неудачи Хрущев сваливал на Сталина. В этих условиях и был востребован А. И. Солженицын, которого он решил использовать как тяжелую артиллерию для дискредитации Сталина.

О Солженицыне написано много. Но со временем выработался определенный штамп: или писать о нем только хорошее, или ничего. Помнится, большой шум вызвала небольшая заметка в «Независимой газете», где ее автор Г. Амелин позволил себе ряд справедливых характеристик мэтра, типа: «Александра Исаевича знают все, но никто не читает»; «вельможа с непомерной гордыней». Напор защитников был столь велик, что газета вынуждена была отвести целую полосу для откликов, авторы которых восхваляли мужество Солженицына, требовали почтения к человеку, прошедшему ГУЛАГ. Но при этом они обходили вопрос: почему Солженицын стал узником? Опубликованные ныне материалы позволяют твердо предполагать, что в лагере он оказался... по доброй воле, а в последующей его деятельности много лжи и лицемерия.

Судоплатов описывает такой эпизод. Заместитель председателя Комиссии партийного контроля Сердюк в беседе с бывшими ответственными работниками КГБ Свердловым и Матусовым в 1963 году пригрозил, что если они не прекратят «бомбить» КПК, требуя реабилитации (в чем им уже было отказано), «то их сверх всего еще накажут и за незаконное преследование знаменитого писателя». При этом Сердюк показал его письмо, адресованное Хрущеву, которое «является доказательством того, что Солженицын всегда был нестигаемым ленинцем». Решительно отвергнув эту угрозу, они заявили, что дело Солженицына проходило совсем по другому ведомству.

В этой связи вспоминается эпизод из мемуаров первой жены писателя. Александр Исаевич служил в тылу, но когда его часть стали готовить к отправке на фронт, тогда он, по словам жены, написал письмо с критикой советской системы, лично Сталина и ожидал ареста. Дни идут, срок отправки на фронт приближается, а никто и не думает его арестовывать. Видимо, недобросовестный работник проштамповал письмо «проверено военной цензурой», не прочитав его. И тогда Солженицын вынужден был написать повторно. На этот раз акция удалась, и это помогло ему «дезертировать» с фронта. Я прекрасно помню, как всех нас во время войны предупреждали, о чем нельзя писать в письмах и какие последствия могут быть за нарушение инструкций Смерша. Разве офицер Солженицын не знал об этом? Знал и готовился к аресту! Лишним подтверждением является такая деталь: при обыске во время ареста у него нашли портрет Троцкого. Он объяснил это так: «Троцкий был истинный ленинец, а Сталин изменил ленинскому пути». Явно придуманная версия: известно, что перед войной Александр Исаевич работал над романом «ЛЮОР» (Люби революцию), который даже по своему замыслу был чуждым подобному умонастроению.

Включившись в антисталинскую кампанию, Солженицын точно определил кратчайший «путь к славе и чинам». Главный редактор «Нового мира» А. Твардовский передал рукопись «Один день Ивана Денисовича» помощникам Хрущева. Те, почитав, решили, что новый писатель «попал в струю». Соответствующим образом и доложили Хрущеву, который поручил размножить рукопись в 20 экземплярах для Президиума и секретарей ЦК. На очередном заседании он спросил:

– Ну, как, читали? Правда, хорошая вещь?

Гробовое молчание.

– Молчание – знак согласия, – быстро заключил Никита Сергеевич.

Зная, что повесть публикуется по указанию Хрущева, пресса не скупилась на лестные отзывы. Кто-то даже сравнивал автора с Л.Н. Толстым. На встрече с деятелями литературы и искусства в 1963 году тост за Солженицына вызвал бурное оживление. При этом многие даже подобострастно привстали. Так родился еще один «подручный партии», о чем убедительно свидетельствует его обращение к помощнику Хрущева В.С. Лебедеву. Оно длинное,

поэтому приведу лишь концовку: «Мне будет очень больно, если я в чем-либо поступлю не так, как этого требуют от нас, литераторов, партия и очень дорогой для меня Никита Сергеевич Хрущев». Вскоре «дорогой Никита Сергеевич» был отправлен на пенсию, и антисталинское творчество Александра Исаевича оказалось невостребованным. Славы он достиг, но премий и наград не успел. Как наверстать упущенное? Слава у него есть, а на Западе тогда был огромный спрос на антисоветскую деятельность. И здесь расчет был точным. Его вклад в развал Советского Союза трудно переоценить. Нобелевская премия тому свидетельство.

Профессор Литературного института М. Лобанов, характеризуя Солженицына, заметил: «У него и ум, и талант целиком ушли в злобу, в ненависть к Советской власти, к коммунистическому режиму. По накалу ненависти к советскому государству Солженицына можно сравнить только с Троцким». Свою речь на вручении Нобелевской премии он закончил призывом к писателям мира «выйти на бой против чумы, лжи и зла, рассадником которых является СССР». Разве не кощунственна подобная клевета на страну, спасшую весь мир от фашистского порабощения? Как видим, Александр Исаевич оправдал надежды своих новых покровителей.

Теперь с трибуны своей славы, отмеченной высокими наградами, Александр Исаевич поучает нас: «Не угодничай перед властью, не принимай от нее взятки ни в какой форме...» В этой связи интересно узнать: какова реальная стоимость дачи в Сосновом Бору с учетом цены на землю и во что она обошлась Солженицыну? Все его гонорары здесь и за рубежом не покроют и четверти затрат, связанных с его путешествием из Владивостока в Москву президентским поездом. Поэтому еще до прибытия в предоставленную дачу власть «купила» Александра Исаевича с потрохами.

Антонов: «Планирование вверх ногами!»

После Дзержинского на официальном государственном уровне проблема расточительности, связанная с валом, была поднята лишь А.Н. Косыгиным в 1965 году. После отправки Хрущева наступил период коллективного руководства: Леонид Ильич Брежнев – Генеральный секретарь ЦК КПСС; Николай Викторович Подгорный – Председатель Верховного Совета СССР; Алексей Николаевич Косыгин – Председатель Совета министров.

Новое руководство объявило о подготовке экономической реформы и обратилось к ученым и практикам высказывать свои предложения в печати или присылать в правительство, где была создана комиссия по ее подготовке во главе с А.Н. Косыгиным.

Тогда я опубликовал статью в четвертом номере еженедельника ЦК КПСС «Экономическая газета» за 1965 год. В ней я подверг резкой критике не только показатель валовой продукции, но и саму идею универсального (главного) показателя. Лестный отзыв об этой статье я неожиданно получил во время беседы с председателем Экономического комитета конгресса США от его советника В.В. Леонтьева. Леонтьев сказал тогда председателю, что идею этой статьи он использовал в своем методе «Затраты-выпуск», за который он удостоен Нобелевской премии. Председатель тогда дал команду на подписку моих работ для библиотеки конгресса США и сегодня там представлено более двух десятков моих книг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.